

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

003067728

На правах рукописи

Андрей Владимирович Виноградов

**КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность: 23.00.04 –
Политические проблемы международных отношений
и глобального развития

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва - 2006

Работа выполнена в Институте Дальнего Востока РАН
Научный консультант: д.филос.н., академик РАН Титаренко М.Л.

Официальные оппоненты:

д.пол.н.
д.пол.н., профессор
д.и.н., член-корреспондент РАН

Баталов Э.Я.,
Воскресенский А.Д.,
Тимофеев Т.Т.

Ведущая организация:

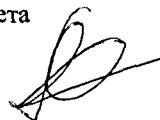
Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Защита состоится « » _____ 2007 г.
в _____ час. на заседании диссертационного совета
Д. 002.217.02 в Институте Дальнего Востока РАН
по адресу: 117218, Москва, Нахимовский пр., 32.

С диссертацией можно ознакомиться в Институте Дальнего Востока
РАН.

Автореферат разослан « » _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

 Козлов А.А.

В последнее десятилетие характер общественного развития Китая все чаще описывается понятием “модернизация”, т.е. приближением к современности, появление которой связывается прежде всего с развитием западного мира. Исследование модернизации как одной из форм социально-исторического движения альтернативного естественно-историческому типу предполагает, таким образом, сопоставимое внимание не только к исходной точке – китайской цивилизации, но и к цели, в качестве которой традиционно выступала западная цивилизация.

До второй мировой войны альтернатива развития имела четкую идеологическую определенность, в которой капитализму противостоял социализм, не только не ставивший под сомнение ведущую роль Европы в мире, но и последовательно и энергично утверждавший ее. Взаимодействие культурных миров за пределами коммунистической идеологии определялось термином “вестернизация”, отражавшим как реальные социально-экономические процессы, так и политику западных держав.

Ситуация изменилась после второй мировой войны, когда появились убедительные свидетельства, что прежняя модель мира уходит в прошлое. Образование “третьего мира” на обломках колониальной системы усилило противостояние двух общественных систем, дополнив его конфликтом развитых и неразвитых государств. Тогда же появилась теория модернизации, обосновывавшая западный взгляд на развитие новых государственных образований и аргументировавшая неизбежность их движения в сторону западной модели развития. Критерии модернизации совпадали с критериями индустриального общества, ее обязательными чертами были изменения во всех сферах человеческой деятельности, при которых трансформация одного института приводила к соответствующим изменениям в других, а единицей анализа являлось национально-территориальное образование – государство. Основные положения этой теории были изложены в работах Ш. Айзенштада, С. Блэка, Д. Аптера и др.

Однако довольно скоро стало ясно, что в результате мирохозяйственных связей стремление к достижению уже существующего уровня обрекает избравших эту модель на постоянное отставание. Одновременно стало выясняться, что и черты модернизи, успешно объясняя отличия современного европейского общества от средневекового, мало что дают для понимания отличий европейской цивилизации от

азиатских, в том числе от китайской. Практические результаты освоения европейской материальной культуры другими народами не свидетельствовали о воспроизводстве западной социальной матрицы, из чего вытекал вывод, что теория модернизации не справляется с возложенными на нее функциями.

Между тем в самой западной цивилизации нарастали кризисные явления. Продолжая традиции экономического детерминизма, теории постиндустриального общества дали новое объяснение общественно-экономическому развитию Запада. Из анализа развитых стран ими был сделан вывод, что модернити как эпоха индустриальной фазы экономики завершается. Стремление выйти за рамки обнаружившего изъяны индустриального общества не могло быть удовлетворено в рамках экономических концепций. Смещение акцентов в сферу культуры стало ведущей тенденцией общественных наук.

После того как концепция модерна подверглась критике, под ударом оказалась и теория модернизации. В 1980-е годы она была связана уже не столько с конкретными результатами социально-экономических преобразований, сколько с изменившимся дискурсом интеллектуальных кругов, испытывавших влияние постмодернизма, из-за чего произошел отказ концепции от универсализма и идеологической конфронтационности. В результате был разрушен стереотип, в соответствии с которым социализм рассматривался как принципиальный оппонент либерализма. По мере ослабления международной напряженности и возникновения противоречий внутри социалистического лагеря его историческая миссия все больше связывалась с ускорением экономического развития остальных стран, а основания для противопоставления марксизма и теории модернизации исчезали.

В результате в 1990-е годы понятие “модернизация” стало подразумевать не столько средство приближения к европейскому типу социально-экономической организации, сколько особый тип развития. Его отличительной чертой является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, т.е. свойственной европейской истории социально-политической дискретности. Модернизация, таким образом, предстала не просто сменой одного состояния другим, не только характеристикой трансформирующегося социального пространства, но и социально-исторического вре-

мени – процессом постоянной смены, рассматривающимся в качестве одной из важнейших черт и ценностей современного общества.

Актуальность. Научно-технический прогресс, став основанием для глобального утверждения Западом своих культурных норм, вызвал их отторжение другими народами. Более того, как свидетельствует история XX в., после удара западной цивилизации все они постепенно, хотя и в разной степени, возвращаются к традиционному способу воспроизводства культуры, демонстрируя нарастающее многообразие развития. Одновременно опровергается постулат классической теории модернизации: сегодня этот процесс затрагивает уже не отдельные нации-государства, а целые культурные ареалы.

Особое внимание к КНР, постепенно занимающей ведущее место в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, двоякого рода. С одной стороны, результаты синтеза культур в азиатских странах, заимствовавших идеологию экономического роста и передовые технологии, вызывают чувство беспокойства на Западе, по-прежнему воспринимающего Восток в качестве принципиального оппонента. С другой, к нему все чаще обращаются с надеждой восполнить утраченные навыки коллективизма и неформальной солидарности, ценность которых сегодня проявляется в самых разных сферах.

Развитие Китая, с середины XIX в. протекавшее под определяющим влиянием технического превосходства Запада, после 1949 г. – социалистических идей, а сейчас приобретающее все большую самостоятельность, органично соединило эти качественно разнородные процессы. Таким образом, все три модели общественного развития, описываемые концепциями перехода от традиционного общества к современному, социалистического строительства и взаимодействия Восток–Запад, оказались применимы к Китаю, где они, объединившись, предложили принципиально новую модель, в которой крупномасштабные социально-экономические и общественно-политические изменения становятся результатом целенаправленных усилий государства, сохранившего свою традиционно высокую роль.

Постановка проблемы. В XX в. впервые в истории общественное развитие оказалось тесно связано с политическими концепциями, которые не только упорядочивали социальную активность, но и позволяли эффективно передавать исторический опыт одной культурной среды другой. Закономерно, что зарождение новой эпохи совпало с вовлече-

нием во всемирную историю все большего числа стран, перед которыми встала задача привести свой социально-экономический уровень в соответствие с мировым. Единственным способом ее решения могло стать ускорение развития, т.е. смена естественно-исторического типа на новый, субъектный. Материалистическое понимание истории, воплотившее экономический детерминизм европейской цивилизации и основные черты наступившей эпохи, обусловило выбор марксизма отсталыми странами для решения задач национального и социального освобождения, а также для преодоления разрыва с мировыми лидерами.

Поставив своей целью решение задач, вставших перед европейским обществом, марксизм за пределами Европы стал восприниматься преимущественно как средство догоняющего развития, оторвав практику социалистического строительства от ценностей европейской цивилизации. Утратив приоритет европейских нравственных ценностей, мобилизационная модель развития, тем не менее, длительное время не признавалась в качестве самостоятельной и получила наименование “государственно-административный социализм”, подчеркивающий ее производный от европейского характер, и в этом качестве не отличавшийся от универсалистских общественно-политических теорий.

В действительности западные теории были неоднородны, между ними существовали не только внутренние различия, но и серьезные противоречия. Буржуазным концепциям всегда противостояли другие, вызывавшие симпатии активной части местного населения и политических элит. Зафиксировав генезис мобилизационного типа развития, теории национального освобождения и социалистического строительства существенно отличались от других западных моделей, предложив обширные ниши для национальной культуры, что обеспечило политический успех их сторонникам. Тем не менее экономическая отсталость социалистических стран предопределила, что соответствие социализма требованиям нарождающейся эпохи, его самостоятельный характер на протяжении длительного времени оказались скрыты проблемами текущего развития. Только в конце XX в. появились основания для того, чтобы связать этот тип развития с поисками национальной (цивилизационной) идентичности в сфере социокультурного и социально-политического развития.

Хронологические рамки. Отсчет китайской модели модернизации принято вести с середины XIX в., когда в результате “опиумных войн”

началось интенсивное проникновение европейских держав в Китай. На первом этапе, до 1911 г. изменения протекали при неэффективном и робком участии государства, что, в конечном счете, предопределило победу новых социальных сил, использовавших западные концепции в качестве основы новой государственной доктрины. Деформация под их влиянием старого культурного архетипа и размывание традиционных общественных и государственных структур сопровождалась усилением зависимости Китая от иностранных держав, а весьма умеренный экономический рост не компенсировал нравственных потерь, усиливавших чувство национальной неполноценности. Нараставший вследствие этого социокультурный конфликт привел к росту революционных настроений и социальным потрясениям, гражданским войнам и вооруженным конфликтам, не позволявшим до 1949 г. последовательно проводить преобразования. Необходимая для модернизации мобилизационность поглощалась решением текущих военно-политических задач, и на комплексные социально-экономические преобразования сил уже не хватало.

После образования КНР адекватному восприятию задач, стоящих перед страной, и выработке соответствующей государственной политики мешали идеологические стереотипы. Борьба за выбор стратегии преобразований не выходила за рамки представлений о линейности исторического процесса с последовательным прохождением определенных стадий и общей конечной целью, не оставлявших значимого места национальной специфике. Национальная идентичность приравнивалась к особенностям политической борьбы и социалистических преобразований.

“Культурная революция”, вскрыв ущербность прежней модели общественного развития, освободила пространство для новых направлений поиска. Только после 1978 г., когда впервые в новейшей китайской истории начался устойчивый экономический рост, появились основания характеризовать проводимый курс как самобытный и оригинальный путь развития. Освобождение от идеологических стереотипов позволило говорить и о национальной идентичности как о самостоятельной категории, а идея “модернизации китайского типа” потеснила теорию социалистического строительства.

Состояние изученности. Господствовавшие в научном сообществе социологические, исторические и идеологические концепции оказали определяющее влияние на изучение социально-экономических и обще-

ственно-политических процессов в Китае. До второй мировой войны американские и западноевропейские ученые рассматривали его в традиционном европоцентристском ключе, уделяя внимание прежде всего вопросам непосредственно связанным с иностранным влиянием, что в целом верно отражало узловые проблемы его развития с середины XIX в. После 1949 г. и разделения мира на два лагеря ситуация начала меняться. Общественные процессы в Китае стали рассматриваться с большим вниманием и заинтересованностью. Однако в фундаментальных исследованиях по-прежнему главное внимание уделялось досиньхайскому и республиканскому периодам и редко преодолевался рубеж 1949 г. Текущей ситуацией занимались в основном политологи и экономисты, поставлявшие государственным институтам аналитическую информацию, не погружаясь в изучение фундаментальных вопросов.

Толчком к переосмыслению представлений о Китае стали успехи КНР в первое десятилетие социалистического строительства, а затем война во Вьетнаме и поражение в ней США, положившие начало пересмотру европоцентристской концепции мирового развития. Стало формироваться новое отношение к КНР, китайская революция была признана не только политическим и идеологическим явлением, но и явлением китайской культуры и истории, что сделало возможным ее изучение в контексте развития китайской цивилизации. Тогда же было признано ошибочным противопоставление теории модернизации и марксизма как интеллектуальных альтернатив, а марксизм стал рассматриваться как один из вариантов теории модернизации. Это направление получило развитие благодаря усилиям Дж. Фэйербэнка, Т. де Бари, А. Крэйга, Р. Скалапино, Б. Шварца, С. Шрама, Е. Фридмана, Ю. Райсшауэра, Дж. Пека, М. Леви и др.

Начало реформ в 1978 г. не внесло принципиальных изменений в характер изучения КНР. Поскольку в теоретическом отношении постмодерн оказался не завершен, то и в исследованиях современного Китая не произошло концептуальных прорывов. До сих пор внимание западных исследователей в первую очередь привлекают экономическая реформа, рост экономического и военно-промышленного потенциала как факторов регионального и мирового развития, а также политическая реформа и перспективы отказа КНР от социалистических ориентиров. Позитивным моментом стало лишь ослабление идеологической конфронтационности их выводов, расширившее пространство для рассмот-

рения цивилизационных аспектов развития. Особо следует отметить работы Б. Брюгера, П. Бергера, Л. Диттмера, Б. Хупера, П. Козна, М. Макфарлейна, Н. Максвелла, Р. Майерса, Л. Пая. Но все же западная наука, привыкшая рассматривать исторический процесс в понятиях противостояния старого и нового, традиционного и современного, часто лишь фиксирует изменения, с трудом признавая смену самих законов и характера связей, а также возможность синтеза.

Отечественное китаеведение также разделилось по хронологическому принципу. Классическое, существовавшее несколько обособленно, редко пересекалось с современными экономическими и политическими исследованиями. Современностью же занималась идеологически ангажированная школа, важным достоинством которой по сравнению с западной было более высокое, хотя и не менее тенденциозное внимание к фундаментальным исследованиям. Несмотря на обусловленную классово-методологической односторонностью специфика общественного развития Китая давала достаточно большую свободу по сравнению с СССР и странами Восточной Европы при описании и характеристике происходящих в нем процессов. Перелом наступил во второй половине 1980-х годов, когда интересы идеологической борьбы уступили место необходимости понять и точно описать происходящие в КНР процессы. Важные результаты были достигнуты в изучении истории (Л. Березный, Ю. Галенович, В. Глунин, А. Григорьев, Л. Делюсин, А. Картунова, Б. Кулик, Н. Мамаева, А. Меликсетов, В. Мясников, О. Непомнин, В. Никифоров, А. Писарев, С. Тихвинский, В. Усов), экономики (Я. Бергер, О. Борох, Г. Ганшин, В. Карлусов, Л. Кондрашова, А. Мугрузин, А. Островский, Э. Пивоварова, В. Портяков), идеологии, философии и общественной мысли (Л. Борох, В. Буров, Л. Васильев, Б. Доронин, А. Ломанов, Л. Переломов, Д. Смирнов, Е. Стабурова, Г. Сухарчук, М. Титаренко), государственного строительства и права (Л. Гудошников, К. Егоров, Э. Имамов, К. Кокарев, А. Москалев).

В целом, хронологическое деление китаеведения в России и за рубежом препятствовало пониманию смены исторических ритмов и типов развития. Исследуя процесс изменений, уловить изменение их типа без широких сравнений как страноведческих, так и исторических, действительно, было крайне трудно.

До 1980-х годов марксистское понимание общественного развития доминировало и в КНР. Даже процессы в дореволюционном Китае было

принято рассматривать в русле формационной теории, сводящей к борьбе рабочих и крестьян с китайскими помещиками, иностранным капиталом и маньчжурским господством объяснение причин и характера его социально-исторической динамики. Концепция “строительства социализма с китайской спецификой”, выдвинутая китайским руководством в начале 80-х годов, расширила рамки исследований, ориентируя на поиск новых подходов. Существенным стало признание уникальности древней китайской цивилизации и общественной мысли, а также их влияния на современное развитие (Тао Даюн, Хоу Вайлу, Гао Фан, Лю Данянь, Чжу Нинъюань, Ду Госян, Ли Цзэхуо, Сяо Цянь, Синь Бэньсы, Чжан И, Чэнь Чжанлян, У Липин и др.). Радикально ситуация стала меняться с начала 90-х годов, когда поражение социализма в Восточной Европе и СССР предоставило КНР право претендовать на исключительность. Объяснительные конструкции, предлагаемые обществоведами, стали выходить за рамки марксизма, не встречая серьезного противодействия со стороны партийного руководства, что наиболее ярко проявилось в работах Ван Лие, Ван Нина, Чжан Исиня, Чжан Юньи, Хань Шуйфа.

Только в конце 80-х годов реформаторские импульсы, изменив отношение к реформам как неизбежному выбору между капитализмом и социализмом, подготовили обществоведение в КНР и китаеведение за рубежом для преодоления барьера 1949 г.. И все же в массиве китаеведческой литературы по-прежнему преобладают работы по экономике и хозяйственной реформе, международной политике, успехи которых наиболее заметны, в то время как работ по социально-политическим процессам и культуре, где оценить характер изменений гораздо сложнее, значительно меньше, но даже имеющиеся не рассматривают социокультурное и социально-политическое развитие как процесс поиска новой социально-исторической общности – идентичности.

Цели и задачи исследования. На рубеже третьего тысячелетия, когда кризис действующего мироустройства вызывает все большую обеспокоенность, а альтернатива ему не определена, автор стремился обратить внимание на развитие Китая, вписать протекающие в нем процессы в общемировой контекст и, таким образом, преодолеть характерный для многих страноведческих работ недостаток обобщений с тем, чтобы найти то стратегически общее, что связывает различные регионы мира.

В работе предпринимается попытка рассмотреть развитие Китая как единый процесс, который описывался в понятиях “традиционное–современное”, а затем “социализм–капитализм” и “национальная идентичность–глобализация”, акцентируя внимание не столько на различиях в рамках каждой пары, сколько на том, что их объединяет. Для анализа процессов модернизации автор использует понятия “субъектность”, “идентичность”, “универсализм”, “синтез”, “тип развития”, “воспроизводство культуры и власти”. Цель работы на примере Китая проанализировать общие и специфические принципы социально-политической и социокультурной трансформации, уделив особое внимание сравнению с формационно и цивилизационно близкими странами, интерпретировать роль марксизма в этом процессе, а также уточнить представление о национальной идентичности, рассмотрев ее как структурообразующий элемент современного мира. Важнейшей целью исследования является реконструкция логики исторического развития Китая.

Для достижения этих целей важнейшими задачами представляются:

- характеристика целей и задач модернизации, выделение этапов и факторов, влияющих на ее проведение;
- исследование процесса модернизации как особого типа развития, включающего не только социально-экономические преобразования в направлении определенной цели, но и трансформацию социально-политических и социокультурных институтов, которые ведут не к репликации идентичности, исходно избранной в качестве ориентира, а к новой, преемственной традиционной культуре;
- рассмотрение социалистической практики в Китае не как социально-экономического строя альтернативного капитализму в рамках европейского по происхождению пути развития, а как модели модернизации, свойственной неевропейским странам, избравшим западные средства для движения по пути догоняющего развития;
- анализ роли общественной мысли в генезисе и на всех последующих этапах модернизации;
- выяснение роли марксистской теории и идеологии в китайской модели модернизации, ее связи с китайскими социально-политическими и социокультурными традициями и условий их синтеза;
- выделение критериев завершающей стадии модернизации в социально-политической области.

Научная новизна работы заключается в выборе предмета исследования – процесса трансформации социально-политических институтов и культурных традиций, включая общественную мысль. Автор акцентирует внимание на синтетическом характере современной общественной мысли Китая, объединившей западную и восточную традиции в рамках официальной политической доктрины, способной адекватно описывать происходящие процессы. В работе показана ведущая роль идейно-политических концепций и теоретических доктрин КПК на процесс социокультурной трансформации Китая и решающее значение национальных традиций в утверждении результатов модернизации.

Поражение социализма в конце 80-х годов показало, что формационная концепция истории не в состоянии удовлетворительно объяснять процессы, происходящие в современном мире. Это относится к типологии революций, к роли классовых отношений, к анализу общественных процессов в конце XX в. и др.. Все это говорит о необходимости обновления методологического аппарата. Признавая обоснованность существующих концепций мировой истории (формационных и цивилизационных), автор стремился дополнить их системным подходом для открытых нелинейных систем, что позволяет описать исторический процесс как процесс самоорганизации - в понятиях типов развития: стихийный, естественно-исторический и субъектный, частным случаем которого является мобилизационный, требующий особых принципов социальной организации, а также существенного внимания к национальной культурной традиции, являющейся важнейшим ресурсом мобилизационности. Работа построена не только на анализе смены старого новым, но и на генезисе нового, включающего в результате более сложного, нелинейного процесса синтез традиционной культуры с современными политическими концепциями и механизмами. Автор использовал методологические инструменты изучения восточных и постсоциалистических обществ, апробированные в работах Л.Васильева, П.Кожина, В.Малявина, В.Меньшикова, О.Непомнина, Е.Рашковского, Л.Рейснера, Н.Симонии, В.Хороса, М.Чешкова и др.

Структура работы. Структура работы отражает логику исследования и состоит из 5 глав, введения и заключения, в которых предлагается сравнительная характеристика западной и китайской цивилизации и проблема выбора социалистической модели модернизации (гл.1), рассматривается движение Китая к современности под влиянием запад-

ной парадигмы развития (гл. 2), анализируется состояние, тенденции и перспективы современного китайского общества, воссоздание им новой социально-политической и социокультурной идентичности в контексте отношений современность–традиционность и Восток–Запад (гл. 3, 4 и 5).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ:

Во “Введении” обосновывается выбор темы, ее актуальность и новизна, определяются хронологические рамки и методологические принципы, дается обзор литературы, формулируются цели и задачи.

Глава I. “Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования” посвящена сравнительному исследованию закономерностей и особенностей развития европейской и китайской цивилизаций, определению основных принципов взаимодействия и влияния Запада на Китай в новое и новейшее время.

Окружающая среда рассматривается автором как важнейшая предпосылка формирования различных типов хозяйственной деятельности, предопределившая отличия основных принципов построения и функционирования европейского и китайского обществ. В результате ее влияния характерными чертами европейской цивилизации стали агрессивность, дискретность и рациональность, а одним из их следствий – разрушение общины и зарождение иных форм социальности – классов. В Китае преобладание природно-климатических факторов над мотивационными предопределило, что человек встраивался в природу, приспособляясь к ней. На всех уровнях взаимодействия с природой он выступал как совокупный, что накладывало отпечаток на весь спектр социальных отношений, скрадывая предпосылки для противостояния внутри общества. Общественные отношения регулировались подчинением младших старшим, позже воплотившимся в принципе “сяо”.

Многослойность культуры придала динамичность европейскому обществу, акцентировав индивидуальность, личную мотивацию и творчество, которые обеспечили высокий уровень производительных сил, науки и торговли и создали соответствующую систему управления – рынок и демократию, ставшие сущностью западной цивилизации. Жесткая зависимость социальных изменений от экономических предопределила ключевую роль производительных сил в развитии европейской цивилизации. Торгово-предпринимательская культура, нарушавшая

семейные принципы отношений, была абсолютно неприемлема в Китае, где существовал культ земледелия и общинного труда, доминировала интровертная культура духовных ценностей. Государственное устройство традиционного Китая воспроизвело архетип семейных отношений. Родовая организация помноженная на этническую гомогенность населения препятствовала формированию имущественного неравенства, разложению общины и появлению классов. Конфуцианские этические нормы выступали естественным инструментом решения неотчужденных социальных проблем.

Созданные механизмы управления, таким образом, существенно отличались. Государство на Западе стало высокофункциональным инструментом регулирования динамичного социального организма. В построенном на других началах китайском обществе эти механизмы не действовали, но были другие, не менее эффективно поддерживавшие воспроизводство социальной системы.

По мере того, как новые, капиталистические реалии Европы и сопутствующие им индивидуалистические ценности все больше удалялись от христианского идеала, возникали социальные утопии, критиковавшие происходившие в светской жизни изменения и пытавшиеся восстановить общинные представления и нормы. Являясь продуктом эпохи, марксизм чрезвычайно серьезно относился к выводам утопистов о кризисе цивилизации. Ему, как и либеральным теориям, надо было доказать, что кризис завершится не гибелью западного мира, а даст начало новому направлению в его развитии. Считая, что общественный характер производства и частный характер присвоения являются препятствием для экономического роста, К.Маркс предложил оптимистический прогноз развития Европы при условии уничтожения частной собственности и осуществления на этой основе синтеза коллективистских нравственных ценностей и индустриальных технологий.

Экономический детерминизм марксизма обосновал главенство в его методологии естественно-исторического подхода, в соответствии с которым борьба классов неизбежно завершится ликвидацией социальных антагонизмов. Для реализации ставшего рациональным идеала стало возможно использование выявленных общественных закономерностей. Объединив научную теорию и неизбежные, но стихийные выступления пролетариата, можно было создать условия для ускоренного достижения естественно-исторически предначертанных целей. Революция

стала центральным элементом нового типа развития и необходимым условием социального прогресса. Стихийному течению истории стала противостоять история, строящаяся в результате целенаправленных усилий и в соответствии с теоретическими представлениями.

Высокий уровень абстракции придал марксизму строгость, сделав удобным для использования в других странах. Оказалось, что основные инструменты марксизма по преодолению изъянов западной цивилизации – план и диктатура подходят для решения задач социального развития в отсталых странах. Представляя оппозиционное движение, сочтявшее принадлежность к могущественному Западу и критику его несовершенства, марксизм приобрел популярность в коллективистской культуре России.

Главной особенностью воздействия Европы Нового времени на Россию стала собственная инициатива последней по усвоению характерных черт европейской жизни. Логика петровских заимствований была продиктована кругом прикладных задач. Преобразования начались с военной реформы, которая повлекла за собой создание промышленности, финансовой системы, принятие западных стандартов образования. Успешное решение задач, поставленных под воздействием внешних факторов, укрепило государство. Внутренние стимулы к преобразованиям, не вызрев полностью, потеряли актуальность. Одновременно произошло разделение российского общества по типу культурной ориентации – высшие слои оказались ориентированы на западный образ жизни, мыслей и ценности. Самостоятельным фактором развития стали общественно-политические теории.

В результате преобразований в начале XIX в. на социально-политической сцене возник не связанный с властью слой, обладавший не только европейским образованием и рациональным взглядом на мир, но и не порвавший связи с национальными традициями – разночинная интеллигенция. Ее представители первыми увидели пороки западной модели и предложили путь к общественной справедливости, учитывая экономические, социальные и политические особенности России – через соединение крестьянской общины с социалистической мыслью. Включив в социальный проект в качестве позитивного фактора основную часть населения, они признали за общиной право оставаться носителем цивилизационного ядра и наметили подходы к формулированию национальной идентичности, назвав это “русским социализмом”.

Считая, что история Западной Европы является примером синхронного развития, при котором экономические и политические аспекты вызывают соответствующие изменения друг в друге, они допустили, что естественный путь не является единственным вариантом исторического движения – возможна его асинхронность.

С восприятия марксизма Г.Плехановым начался новый этап в отношениях с Западом. Формационная теория Маркса сумела предложить ответ на большинство вопросов социально-экономического развития России: капиталистические преобразования создадут союзный революционной интеллигенции пролетариат, породив классовую борьбу, которая освободит страну и от власти царя, и от буржуазии. Однако свойственная Европе синхронность отказывалась находить подтверждение в России – экономический рост не только не вел к изменению политического строя, но и не сопровождался установлением капиталистических отношений.

Признав особый характер российского общества, большевики отдали приоритет не социально-экономическому развитию, а профессиональной политической деятельности. В отличие от буржуазных революций, которым предшествовало завоевание экономического пространства, российская социал-демократия предложила сначала взять политическую власть, а затем вернуться к преобразованиям базиса. Обрусевший марксизм, таким образом, преступил один из фундаментальных принципов европейской цивилизации – следование естественно-историческим закономерностям. Поставив в качестве цели не самоусиление существующего государства, а приближение его к критериям западного, русские интеллектуалы заимствовали из западного опыта идею революции, для осуществления которой ими был выработан уникальный политический инструмент – авангардная партия, которая заменила в общественно-политическом многочлене марксизма понятие “естественно-исторический”.

После победы революции иностранная интервенция и гражданская война в значительной степени определили черты новой государственности, которая стала формироваться не только под влиянием марксистского идеала, но и с учетом практических задач. Сложившийся хозяйственный механизм, известный как “военный коммунизм”, совпадал в основных чертах с экономической теорией Маркса. Отличие заключалось в том, что централизованное распределение использовалось не для осу-

ществления уравнительного идеала социальной справедливости, а для мобилизации ресурсов на приоритетных направлениях. Сложившаяся к началу 1920-х годов экономическая модель оказалась далекой от гуманистических идеалов социализма, но эффективной для решения мобилизационных по своей природе задач. Укрепление нового государственного строя и реализация революционного идеала стали основными принципами деятельности новой власти, между которыми постоянно тлел конфликт.

Провозгласив целью достижение уровня развитых государств, коммунистическая партия изменила характер марксизма в России, сделав его не классовый, а государственной идеологией. Вторая мировая война подтвердила эффективность советской системы, оказавшей существенное воздействие на начальный этап строительства социализма в других странах. Составляющие ее сущность общественная собственность, распределение по труду, плановый характер экономики и командно-административная система полностью отвечали задаче преодоления разрыва с капиталистическими странами.

Предпринятые в конце 1950-х годов усилия вернуть социализму гуманистические идеалы не увенчались успехом. Дискредитировав революционные лозунги и убив энтузиазм мобилизованности, они нанесли сокрушительный удар по идеократической системе, поколебав авторитет советской модели на международной арене. Возникшее в результате постоянных изменений между внешними факторами, государственными интересами и идеологическими принципами напряжение можно было преодолеть только существенно модифицировав идеологию. Попытки в 1980-е годы внести в нее изменения и преодолеть углубляющийся кризис также провалились, формула обновления не была найдена.

В главе 2 **“Взгляд на Восток. Китай”** рассматриваются последствия проникновения западных держав в Китай с середины XIX в. В результате переноса источника развития с внутренних факторов на внешние произошли серьезные изменения в механизме развития. При этом обнаружилось, что ключевые моменты преобразований в Китае совпадают с российскими.

Одним из результатов поражения в **“опиумных”** войнах и ослабления авторитета императорской власти стало восстание тайпинов (1850-1864 гг.), избравшее в качестве своего символа христианство. Надежда

на потенциал совершенствования существующего строя оставалась и у государственных чиновников, которые также обратились к западным концепциям и опыту России и Японии. Но, признавая необходимость масштабных изменений, инициаторы "100 дней реформ" (1898 г.) строго придерживались традиционной этики и не призывали к свержению строя. Несмотря на неудачу предпринятая вслед за тайпинами попытка синтеза национальной традиции с западными идеями продемонстрировала готовность китайских интеллектуалов к модернизации традиционной культуры.

Наступление следующего этапа было связано с появившимся в конце века западнообразованным и независимым от государства слоем. В результате безуспешных попыток предшественников Сунь Ятсен осознал необходимость радикальной смены строя и заимствования методов управления и интеллектуальных стандартов. Смысл его общественно-политической доктрины состоял в более динамичном движении к современности. В своей политической программе он объединил две главные для Китая задачи: погоню за мировыми лидерами и смену режима. Наиболее важным вкладом в общественно-политическую мысль Китая стала идея Сунь Ятсена о возможности проведения насильственной революции, нарушавшая традиционные представления о ходе исторического процесса. Он первым стал связывать реформы не с изменениями взглядов императора и чиновников, а с уничтожением старых и утверждением новых общественных институтов. Однако энергии Синьхайской революции (1911 г.) хватило только на слом старой машины, на обломках которой выросли региональные милитаристские группировки. Выступив главным защитником осколков разваливающегося государства, милитаризм стал временной хозяйственно-политической формой выживания традиционной культуры. Предложить позитивную программу государственного строительства могла только революционная интеллигенция.

Желание найти на Западе своего естественного союзника в борьбе за национальное освобождение обусловило повышенный интерес к социалистическим учениям, подвергавшим жесткой критике империалистическую политику и близким традиционным этическим концепциям. Европейские идеи социальной справедливости, вступив во взаимодействие с традициями китайской общины и патриотическими чувствами, привели к созданию идеологии нового типа, в которой тесно перепле-

лись национальное и классовое. В отличие от других школ социалистической мысли марксизм смог стать инструментом политической борьбы, не только объяснив социально-экономические закономерности феодализма, в которых китайцы легко угадывали собственную действительность, но и империализма, который им навязывал Запад. С появлением КПК (июль 1921 г.) настоящим марксизмом стали считать осуществленный в России большевизм. Китайская компартия, таким образом, с самого начала открыла марксизм как государственную, а не классовую идеологию.

Ее главный политический оппонент, вынужденно сосредоточившись на хозяйственной деятельности, постепенно терял революционный импульс. Социально-политические усилия, которые приложил ГМД для модернизации традиционного общества, оказались явно недостаточными. Под влиянием социокультурной среды началось движение не в сторону новой идентичности, а возвращение к национальной традиции, которое шло более быстрыми темпами, чем допускало решение мобилизационных задач.

У КПК, оказавшейся в результате гражданской войны в сельских районах, появились мощные стимулы для творчества. В 1930-е годы оформились характерные черты ее политической деятельности: опора на практику, центральная роль армии, широкий союз на национальной, а не классовой основе и т.д. Вызревшая в этих условиях доктрина “китаизированного марксизма” привела к общему знаменателю европейские построения и реалии политической борьбы. Не только китаизируя марксизм, но и европеизируя традиционные китайские концепции, она полностью укладывалась в представление об использовании западного для собственного совершенствования, предопределив в конечном счете победу КПК.

После завоевания компартией власти изменился характер и масштаб стоящих перед ней задач. В соответствии с распространенными тогда в коммунистическом движении представлениями национальная специфика ограничивалась проведением революции в “полуфеодальной, полукOLONиальной” стране, а после ее победы задача развития многократно облегчалась движением по уже известному маршруту. Ясность цели делала главной задачей увеличение скорости. До начала 1950-х годов деятельность КПК концентрировалась в социально-политической и военной сферах, в которых решающими были полити-

ческая воля и организация. Революционные методы преобразований выглядели в равной степени применимыми и к экономическим процессам. Однако программа форсированной индустриализации закончилась провалом. Неудачи социально-экономических экспериментов Мао Цзэдун расценил как недостатки социокультурной среды, сделав вывод о необходимости перенести центр преобразований на социальные отношения, искусственно создать зону социально-политического напряжения, чтобы вырваться за пределы традиционного общества и за рамки естественно-исторического развития.

В “культурную революцию” зависимость экономического развития от социально-политических факторов приобрела абсолютный характер, что позволило сформулировать основное противоречие социалистического строительства в Китае – между экономическим детерминизмом марксистской теории и социокультурной реальностью, неподчиняющейся характерным для Запада законам общественного развития.

На протяжении всей китайской истории конфликт поколений скрадывался социально-политическими институтами и традиционной этикой, обеспечивавшими общественную стабильность. В ходе “культурной революции” инерции социокультурной среды вновь был брошен вызов, но не извне, а изнутри – революционным характером идеологии и социально-политическим динамизмом масс. Подключив свободную от норм традиционного общества молодежь, Мао Цзэдун рассчитывал нейтрализовать влияние традиций, уже ассимилировавших к тому времени иностранные схемы. Но вместе с ними исчезла и социально-политическая стабильность. Новые структуры власти оказались неспособны контролировать массовое движение. Мао был вынужден укрепить личную власть, ставшую единственной точкой общественной консолидации. Потенциал революции как важнейшего инструмента модернизации был исчерпан в “культурную революцию”, революционно возродившую традиции государственного управления.

К середине 70-х годов выяснилось, что успешная модернизация невозможна при сохранении традиции, но и попытки полностью отказаться от нее не ведут к успеху. Необходимо было разделить идеологические и политические принципы и механизмы экономического роста, чтобы эмпирическим путем найти условия для синтеза традиционного и современного. Придание модернизаторской роли традиционной культуре, стало главной задачей КПК и социализма в китайской трактовке.

В главе 3 “Социалистическая модернизация. (1976-1988)” рассматривается процесс экономических, политических и идейно-теоретических реформ, занявших ведущее место в формулировании новой концепции развития.

Непосредственным толчком для начала реформ послужила смерть Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 г.), кардинальным образом изменившая политическую ситуацию. Авторитетного вождя не стало, советская модель была дискредитирована, последним действовавшим фактором стабильности оставалось высшее руководство, в котором обострилась борьба между различными фракциями. Официальный преемник Мао Цзэдуна Хуа Гофэн использовал свой статус, чтобы стать главным толкователем воли вождя и слиться, таким образом, с его легитимностью. Однако выдвинутый им лозунг преемственности (“двух абсолютов”), укрепляя его статус, демонстрировал неспособность решить главную задачу – предложить и реализовать новые инициативы государственного масштаба. В этих условиях занимавшие оборонительные позиции при Мао Цзэдуне “второе поколение” получило шанс конституироваться в самостоятельную политическую силу и сформулировать собственную программу государственного строительства. Еще до официального восстановления на постах Дэн Сяопин (июль 1977 г.) отказался от ключевых положений “культурной революции”, заявив о своих претензиях на политическую инициативу и лидерство. Веским основанием для этого был избранный им подход – не следование указаниям Мао, а завоевание авторитета практическими действиями. Переориентация на экономический прагматизм могла породить чрезвычайно опасные для идеократического государства конфликты. Стремясь этого избежать, Дэн Сяопин обратился к марксистскому лозунгу, воплощавшему и традиционный для Китая эмпирический подход, “практика – единственный критерий истины”, который стал методологической основой преобразований.

В ходе начавшейся дискуссии Дэн Сяопином было сформулировано важнейшее идейно-теоретическое положение, согласно которому “нельзя нарушать основные принципы марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, однако их надо обязательно соединять с действительностью”. 3-й пленум 11-го созыва (декабрь 1978 г.) положил начало курсу реформ, которому необходимо было найти позитивное идейно-теоретическое оформление. Выдвижение “четырех основных принципов”: приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариа-

та, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна, стало ограничением курса на всемерное развитие производительных сил.

Общественно-политическая теория, вытесненная в свое время идеями Мао Цзэдуна, вновь оказалась востребованной, поскольку только исходящая от нее критика могла сохранить легитимную парадигму власти указанием на объективную природу допущенных искривлений. Социально-экономическая природа “левых” ошибок дала общественной мысли основание характеризовать современное китайское общество как “начальный этап социализма”, главной задачей которого является развитие производительных сил. Принятое в этих условиях “Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР” (июнь 1981 г.) не привело к отрицанию предшествующего периода, места Мао Цзэдуна в истории китайской революции и не потребовало новых процедур легитимации власти.

В начале 1980-х годов стало окончательно ясно, что для продолжения реформ нужна такая теоретическая формула, которая бы примиряла идеологические принципы марксизма и социально-экономическую практику и, таким образом, задавала новые ориентиры развития. У марксистских построений по-прежнему служивших точкой отсчета для значительной части руководства КПК, был один существенный недостаток. Жесткий детерминизм марксистской модели в каждом конкретном случае стремился подчинить экономическую целесообразность идеологическим принципам, сдерживая проведение реформ. Ссылка на цивилизационную специфику представлялась важнейшим аргументом в споре с классическими марксистскими построениями. Разочарование в универсальных моделях и опыте СССР сформировало основной конфликт политического развития КНР 1980-х годов: между универсализмом экономической модернизации и особенностями исторического развития и национальной культурой. Осуществление модернизации Китая было охарактеризовано Дэн Сяопином на XII съезде (сентябрь 1982 г.) с использованием новой идейно-теоретической формулы как “строительство социализма с китайской спецификой”. Она давала ему такую же степень свободы в отношении марксизма, как опора на практику – в отношении наследия Мао Цзэдуна.

Решение съезда о первоочередности экономического развития позволило зафиксировать новую точку консолидации. Но провозгласив

критерием эффективности экономический рост, КПК была вынуждена признать товарный характер экономики и многоукладность, а план и рынок – средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами. Серьезно поколебав основополагающие принципы социализма, Постановление 3-го пленума ЦК КПК 12 созыва (октябрь 1984 г.), положившее начало радикальной экономической реформе, обострило противоречия в высшем руководстве страны. В ходе дискуссии Дэн Сяопин на первое место поставил развитие производительных сил, а не осуществление принципа “от каждого по способности, каждому по труду”, недвусмысленно дав понять, что за социализмом он оставляет прежде всего функции инструмента, а не цели.

В результате борьбы мнений приоритет производительных сил и китайских условий был уравновешен курсом на строительство социалистической духовной культуры и открытость внешнему миру. Тем не менее, КПК не смогла предложить завершенной, внутренне непротиворечивой альтернативы марксизму, который по-прежнему оставался главной идеологической константой.

С середины 1985 г. стали появляться публикации, в которых указывалось, что со времени смерти К.Маркса в обществе произошли глубокие изменения и “некоторые выводы Маркса были отброшены новой практикой”, в их числе вывод о зрелости внутренних противоречий капитализма и победе социализма. Для преодоления этих недостатков предлагалось новые тенденции развития человечества сделать основой новых теоретических обобщений. Одной из важнейших задач провозглашался “прорыв ограниченности прежних трех составных частей, трех источников марксизма”.

Новое отношение к развитию марксизма позволило сформулировать новые критерии социалистического общества и отказаться от “несущественных добавлений” к нему. К последним были причислены монополия общенародной собственности на средства производства на начальных этапах социализма; специфические методы социалистического строительства – политика “военного коммунизма”; придание конкретному опыту социалистического строительства универсального характера; централизованная плановая экономика. Основной характерной чертой социализма предлагалось считать единство производительных сил и производственных отношений, в первую очередь характер производительных сил, определяющий отношения распределения и уровень обоб-

щества. Сохранив марксизм в качестве официального символа государственной идеологии, дискуссия ввела в его теоретическую систему новые проблемы, разрушавшие его монопольное положение как идейно-теоретической доктрины КНР.

Авторитет власти оказался в прямой зависимости от того, сможет ли она эффективно распорядиться результатами реформ: повысить уровень жизни, сократить отставание от ведущих стран и решить задачу национального объединения. Развитие товарного производства, признание многоукладности и допущение капиталистических анклавов в свободных экономических зонах сняли идейно-теоретические ограничения для мирного восстановления национального суверенитета на всей территории страны. Концепция “одно государство – два строя” предложила общественное устройство, в основе которого лежит не социально-экономический строй, а этнокультурное единство.

Так же как концепция “одно государство – два строя” объединяла две социально-экономические системы, концепция социалистической духовной культуры, формированию которой был посвящен 6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986 г.), попыталась объединить национальную традицию и коммунистическую идеологию, которой стало явно недостаточно, чтобы эффективно контролировать социально-экономически неоднородное общество. Отказ на пленуме от коммунистической идеологии как ядра духовной культуры вел не просто к изменению механизма политического лидерства КПК, а означал смену модели модернизации с сугубо идеократической, использовавшей социально-политические факторы, на прагматичную, готовую задействовать личную инициативу и социокультурные традиции.

Легитимизация традиции в качестве элемента общественно-политического процесса привела к обострению старых проблем. Снижение верхней границы нравственного идеала сужало сферу критики КПК со стороны общества, но одновременно и понижало нравственный авторитет ее членов, а появление секторов вне прямого государственного контроля способствовало возрождению коррупции, бросившей еще один вызов нравственному превосходству компартии.

Новые социально-экономические реалии вызвали необходимость более аргументированной теоретической модели. К XIII съезду КПК (октябрь-ноябрь 1987 г.) были созданы благоприятные условия для формулирования новой концепции развития. Концепция “начального

этапа социализма” (НЭС) утвердила за китайской спецификой формационный характер, дополнив его особенностями политической культуры – влиянием феодальных традиций и буржуазных пережитков. Сложилась новая иерархия, в которой строительство “социализма с китайской спецификой” провозглашалось воплощением теории начального этапа социализма. Важнейшая задача, возникшая в начале реформ, была выполнена – догматическое отношение к марксизму было преодолено. Расчлененные части прежней идеологической доктрины с помощью экономического детерминизма вновь были собраны воедино в концепции НЭС, активно поддержанной новым поколением руководства.

Изменившаяся социально-экономическая структура подготавливала условия для реформы системы управления. В русле экономического детерминизма необходимо было принять меры не только по осуществлению демократических преобразований в обществе, но и в системе высшего руководства, которые вели к прямому вызову сложившейся под влиянием национальных традиций и под руководством Дэн Сяопина системе, где личный авторитет неизменно стоял выше формальной процедуры. Такой путь был неприемлем для поколения революционных войн.

На стороне Дэн Сяопина был не только авторитет, но и подтвердившая свою эффективность на практике методология “реалистического подхода”. Политический прагматизм освободил пространство для более близкого китайским традициям социального идеала. При формулировании на XIII съезде стратегической цели – достижения Китаем уровня среднеразвитых стран к 2050 г., Дэн Сяопин использовал понятие “сяокан”, выглядевшее явной национальной альтернативой НЭС.

Утвердив в этот период реформу в качестве главного инструмента модернизации, гарантирующего последовательность и необратимость преобразований, Дэн Сяопин создал условия для постепенного наращивания сил национальной культуры.

Глава 4 “Политическая модель модернизации. (1989-2002)” посвящена рассмотрению реформы социально-политического устройства. В этот период, не отказываясь от “открытости”, КПК отказалась повторять западный опыт. Важнейшим для нее стал вопрос о формуле власти.

В то время как КПК стремилась обрести большую независимость от марксизма в экономической политике, сохранив монопольное положение в системе управления, целью интеллектуалов стали либерализа-

ция строя и установление политического равноправия с КПК. Позволив сформироваться идейно-теоретической альтернативе, КПК дала шанс на формирование политической оппозиции той частью общества, которая по своим характеристикам была наиболее близка к восприятию новых взглядов.

Выступления на площади Тяньаньмэнь (1989 г.) не просто продемонстрировали оппозицию проводимому курсу, впервые не оправдала себя методология реформ. Принцип “практика – критерий истины”, обеспечивавший поступательное движение на протяжении 10 лет, стал работать против КПК, бросив вызов самой модели реформирования. Компартия оперативно предприняла шаги, чтобы ликвидировать поводы для критики в свой адрес, а также аргументировать возникший в руководстве компартии конфликт. В ходе общественно-политической кампании была четко сформулирована принципиальная позиция: не построение демократии, а социально-экономическое развитие является целью государства, и пока существующая в Китае политическая система не исчерпала средств для решения общественных противоречий, интересам развития отвечает не утверждение демократии, а недопущение нестабильности. Задачей политической реформы стало создание механизма адаптации к изменениям, вызванным рыночными преобразованиями.

В то время как политические дискуссии сосредоточились вокруг стабильности и демократии, теоретические дискуссии ушли в сферу культуры, возродив интерес к конфуцианству и китайской цивилизации. Наиболее перспективным для официальной идеологии вариантом эволюции стало рассмотрение вопросов, связанных с особенностями цивилизационного развития Востока и Запада. Теоретическим обоснованием строительства “социализма с китайской спецификой” была признана концепция азиатского способа производства, которая позволила сделать вывод, что социалистическое общество – это самостоятельная общественная формация и может рассматриваться как особый путь к новой социальной организации, благоприятный для стран с патриархальной системой и приоритетом государственных интересов над личными.

Перед руководством страны возникла задача выстроить такую концепцию реформ, которая бы оптимальным образом связала власть КПК и стратегические цели Китая – экономическую мощь и авторитет на международной арене. В сложившихся в результате поражения социа-

лизма в европейских странах исторических обстоятельствах КПК не только доказала свое превосходство перед другими компартиями, но и получила возможность действовать без оглядки на идеологические стереотипы.

Зимой 1992 г. Дэн Сяопин сделал несколько принципиальных заявлений о характере и перспективах развития. Для предотвращения капиталистической эволюции он заявил о необходимости подчинить деятельность государства 3 критериям: развитию производительных сил социалистического общества, укреплению совокупной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни, которые стали считаться критериями социализма. Это положение было закреплено на XIV съезде (октябрь 1992 г.).

Для формулирования новой концепции необходимо было признать за идеями Дэн Сяопина качественную новизну, что давало основание для внесения более глубоких изменений в идейно-теоретическую доктрину, оставляя ее фактором социально-политической стабильности. Руководящей идеологией КПК на XIV съезде были названы “марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой”. В результате Дэн Сяопин стал не просто политическим лидером, “архитектором реформ”. Претендуя на более высокое, адекватное масштабу поиска новой идентичности место, он встал вровень с Сунь Ятсеном, завоевавшим авторитет в качестве лидера национального освобождения, и Мао Цзэдуном, олицетворявшим социалистическую идентичность Китая. Но такая зависимость политической системы от Дэн Сяопина была неприемлема в свете его преклонного возраста. Именно поэтому в докладе XV съезду (сентябрь 1997 г.) было подчеркнуто положение об управлении государством на основе закона, гарантировавшее руководящую роль КПК вне зависимости от личности лидера.

По мере исчезновения из общественно-политической жизни классовой идеологии и других марксистских символов обнажалось нарастающее сходство КНР и традиционного Китая в отношении принципов управления, понимании национальных интересов, отношении к человеку и т.д. Одержав победу над буржуазным загрязнением, компартия объективно содействовала возрождению традиционных ценностей и форм общественной жизни. Свидетельством этого стало появление и быстрый рост влияния секты Фалуныгун, положившей в основу своей

деятельности высокие нравственные принципы и подвергшей КПК критике за рост коррупции и нравственную деградацию. Деятельность Фалуньгун показала, что традиция по-прежнему представляет реальную угрозу современности.

Возникший социокультурный раскол подтолкнул КПК к поиску новой платформы общественной консолидации. Поддержание стабильности требовало создания такой системы власти, которая бы соответствовала сразу нескольким параметрам – сложившейся экономической системе, официальным идеологическим принципам, национальным традициям и обладала способностью к воспроизводству. Последний срок пребывания Цзян Цзэминя на посту генерального секретаря заставлял оперативно искать решение возникшей проблемы.

Заложив новую общественную систему, Дэн Сяопин обрел высшую из возможных степеней легитимности. Назвав действовавшее руководство КПК “третьим поколением” руководителей, он ввел его в историю КНР как правящую династию. Однако для ее утверждения в этом качестве необходима была свежая идея, особый вклад в государственное строительство, адекватный историческому масштабу реформ предшественника. После запрета секты Фалуньгун в 1999 г. стало ясно, что “управление государством на основе закона” не может стать главным лозунгом “третьего поколения”, которое, следовательно, не будет обладать достаточной легитимностью для очередной передачи власти. Но, самое главное, стало ясно, что предлагаемая формула не может служить основой для новой модели управления. Первый вывод о реформе власти, таким образом, был сделан – в основе государственного управления должна лежать не только законность, но и нравственные принципы, воплощенные в традициях управления.

В начале 2000 г. Цзян Цзэминь заявил, что партия пользуется поддержкой народа потому, что всегда выражала требования развития передовых производительных сил, интересы широких народных масс и передовой культуры. Теоретическую зрелость идеи “3-х представительства” аргументировало выдвинутое им новое методологическое положение “следовать времени”, вставшее в один ряд с “реалистическим подходом”. Идея Цзян Цзэминя была названа “китайским марксизмом нового века”. Отчетный доклад XVI съезду (ноябрь 2002 г.), утвердив все теоретические новации и официально провозгласив в качестве нового социального ориентира общество “сяокан”, сделал еще один шаг в

сторону исторической традиции, такой же, как формирующийся механизм власти. Определение КПК как “авангарда китайского рабочего класса, китайского народа и китайской нации” окончательно преодолело синдром классовой борьбы, создав новые предпосылки для консолидации. Для успеха модернизации необходимо было решить последнюю задачу – обеспечить устойчивость поступательному движению.

Важнейшим критерием зрелости общественной системы является ее способность к воспроизводству. Передача власти от Дэн Сяопина Цзян Цзэминю была важным событием, значение которого тем не менее не выходило за рамки конкретного политического контекста, став первым в новейшей китайской истории успешным опытом политической преемственности. Передав власть Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь, на первый взгляд, просто повторил действия предшественника. Но именно повторение позволило событию политической истории стать общественно-политическим институтом, являющимся центральным элементом формирующейся политической системы. Канонизация “3-х представительств” в Уставе КПК позволила ее автору повысить свой статус до харизматического и сохранить контроль за политическими процессами. Таким образом, в дополнение к официальному руководству был создан еще один рычаг поддержания социально-политической стабильности, ограничивающий следующее поколение руководителей установками предыдущего. Как родовое понятие, продолжающее ряд “идеи Мао Цзэдуна”–“теория Дэн Сяопина”, идея “3-х представительств” вводилась в политический механизм в качестве полноправного субъекта. Законодательное ограничение срока пребывания на высших государственных и партийных постах, механизм преемственности и соблюдение процедур легитимации предложили новый механизм воспроизводства власти, который можно рассматривать как завершающий элемент китайской модели модернизации.

Жизнеспособность складывающейся в КНР общественной системы связана с тем, что политическая сила, выполняющая взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, неизбежно превращается в главную ценность модернизации. Ее политический успех обусловлен тремя факторами. Во-первых, способностью мобилизовать традицию для достижения своих целей, не подчиняясь ей, чего не удалось сделать ГМД, попавшему под власть традиции. Во-вторых, политической организацией и волей, от которых, в конечном итоге, зави-

сит успех мобилизационного развития. В-третьих, вниманием к научному потенциалу для анализа текущей ситуации и определения тенденций развития.

Глава 5. “Логика китайской модернизации”. Модернизация Китая, начало которой положили “опиумные” войны, и в дальнейшем оказалась решающим образом связана с внешними факторами, определявшими ее стратегические цели и параметры преобразовательных импульсов. Исчезновение вызванного классовой идентичностью противостояния двух систем вывело на арену исторического процесса глобализацию, превратившуюся в конце XX в. в важнейший фактор мирового развития. Изменившийся характер внешних условий был зафиксирован КПК, охарактеризовавшей теорию Дэн Сяопина как соединение марксизма не только с практикой Китая, но и спецификой современной эпохи, “вскрывшее сущность социализма”.

В этих условиях КПК необходимо было вновь определить характер внешнего влияния, учитывая уже не борьбу капитализма и социализма, а тенденции мирового развития, особенно взаимоотношения Восток-Запад. Расширение сферы противостояния за счет культуры способствовало поискам идентичности в реконструкции национальной традиции, стихийно воспроизводившейся большинством элементов общественной жизни. В социализме, таким образом, было найдено не оптимистическое продолжение европейского развития, а цивилизационная перспектива Востока.

В начале XXI в. в Китае сложилась общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, стремится быть адекватной требованиям современного мира. Основные контуры этой системы изначально были присущи социализму – авангардная партия подходила для мобилизационного развития и была близка традициям бюрократического управления, а предлагаемая ею централизованная плановая экономика соответствовала задачам текущего развития. Однако в процессе функционирования этой системы вскрылись недостатки: высокая социально-политическая активность, мобилизуемая в ходе массовых общественных кампаний, дестабилизировала ситуацию, сдерживая экономический рост, а повышению темпов с помощью рыночных механизмов мешали идеологические принципы.

Стихийное возрождение конфуцианских норм, на определенном этапе поддержанное властью, ослабило социальное напряжение, а пред-

принятые КПК внутренние преобразования преодолели революционный радикализм и инерцию партийного догматизма, превратив партию в признанный институт государственного управления. В итоге, китайская цивилизация восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни – не через авторитет силы, а через силу авторитета и традиции.

Целью Китая на нынешнем этапе является уже не соответствие конкретному примеру или теоретически обоснованной модели, а поиск новой стратегии развития, формирующей новую идентичность. Опыт социалистического строительства, интегрировавшего западную индустриальную культуру в национальные традиции и создавшего феномен мобилизационности, стал основой для такого движения. Проводимая КПК политика модернизации стала приобретать новые черты, превращаясь из единовременного акта приведения реформируемого организма в соответствие определенным критериям в тип развития, стремящийся к постоянно повышающейся планке мирового уровня – “соответствию времени”.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и формулируются основные выводы.

В истории китайской модернизации отчетливо прослеживаются 2 фазы: революционная и эволюционно-реформационная. В ходе первой китайская цивилизация сумела преодолеть инерцию и привести в движение традиционную культуру, не подчинявшуюся реформаторским импульсам, создав тем самым условия для перехода в новое качественное состояние. Избранная социализмом мобилизационность способствовала формированию новой идентичности. Однако революционные изменения в силу высокой динамичности оказались неспособны быстро создать стабильные формы воспроизводства и в отличие от эволюционных были отягощены обратимостью, а достигаемый ими рост был чреват тотальным разрушением социального организма.

Второй фазой преобразований неизбежно должны были стать реформы, трансформирующие новую, революционную реальность в стабильную социальную систему. Институционализация мобилизационности в процессе реформ превратила ее из черты развития в более фундаментальную характеристику – элемент механизма развития, соответствующий уплотнившемуся социально-историческому времени. Модернизация как навязываемое силой обстоятельств и волей правящего клас-

са приближение к уже существующим стандартам иной культурной среды стала уступать место другой модели, призванной поддерживать соответствие с постоянно меняющимися внешними условиями.

Результат этих процессов не был предопределен заранее. Интернационализация производства способствовала формированию общей для всех стран индустриальной культуры, приближение к которой предполагало изменения в других сферах жизни. Традиционная культура должна была расстаться с чертами, несовместимыми с западной материальной культурой, которой, в свою очередь, также необходим был компромисс с национальной традицией, поддерживавшей общественную стабильность в период трансформации. Главным препятствием для синтеза была инерция верховной власти, которая не без оснований опасалась угрозы своей монополии со стороны более или менее отдаленных последствий развития материальной культуры.

Объективно существовало два варианта решения этой проблемы. Для стран, не обладающих цивилизационным ядром, модернизация неминуемо вела к западным ценностям и западному пути развития. Перспектива такого хода событий существовала и в КНР, которая, переориентировавшись на экономические критерии, создала предпосылки для сугубо экономической интеграции в современный мир. Однако появившиеся в конце XX в. свидетельства того, что и сам мир вступил в новую эпоху, потребовали дополнительных усилий по укреплению государства для защиты от внешних угроз. Повышение "совокупной мощи" не коррелировалось в должной степени с потенциалом традиционной культурой, которая стала отвоевывать утраченное пространство, чему способствовала и сама коммунистическая партия, в интересах поддержания стабильности вновь начавшая эволюционировать в сторону традиционных форм политической жизни. Реваншистское давление собственной культуры невозможно было игнорировать. Реакция на него стала прологом к новому повороту в развитии.

Для Китая, сохранившего цивилизационное ядро, было недопустимо смириться с ролью одной из частей современного мира. Его устраивала только абсолютная субъектность, не только полная независимость, но и авангардная, мобилизационная идентичность, сохраняющая власть КПК, сложившуюся модель общественного устройства и новый тип развития, гарантирующий адекватность цивилизации новым вызовам.

Возросшее влияние экономики необходимо было компенсировать соответствующим усилением власти, чтобы придать стабильность новой общественной системе. Для этого был создан механизм воспроизводства власти, постоянно задающий новые цели и поддерживающий, таким образом, мобилизационный тип развития. Политическая монополия КПК была гарантирована не только возрождением конфуцианских норм и расширением социальной базы, но и закреплением за компартией функций по определению стратегических целей развития, восстановлению суверенитета над бывшими колониями и объединению с Тайванем, обеспечивающим сохранение ее в качестве ядра китайского государства и китайской нации.

В отличие от европейских стран, затративших на естественно-историческую трансформацию в современное общество несколько поколений, постепенно приспосабливаясь к новым условиям и меняя традиционные ценности, Китай сохранил их в гораздо большей степени, продемонстрировав иную меру синтеза с новой материальной культурой. Социализм воплотил европейскую техногенную традицию, которую не могла создать традиционная культура, но не принял европейского индивидуализма. Именно поэтому, признав связь материально-технической отсталости и культурных традиций, препятствовавших появлению динамичной экономики, новых орудий труда и производственных отношений, он подверг критике исключительно экономический характер общественных отношений, поместив отличия между социализмом и капитализмом в сферу культуры. Усилившиеся тенденции к глобализации, стирая различия в материальной культуре, сместили цивилизационную специфику в область духовной и политической культуры, совпав с постмодернистскими тенденциями.

К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, преодолевающей конфликты между властью и материальной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но ее механизм не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития. Окончательный исход модернизации, таким образом, зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей старые институты, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Эволюция китайской цивилизации в результате проникновения западных держав в середине XIX в. протекала под влиянием двух разнонаправленных тенденций. На первом этапе доминирующей было приобретение динамизма за счет заимствования западной культуры и западных форм исторического развития, способных вытолкнуть общество из состояния социально-политического застоя и начать движение в сторону западного мира, далеко ушедшего вперед в техническом и экономическом развитии. Освоение достижений Запада было невозможно в рамках старого общества, внутренние связи которого необходимо было разрушить, а само общество сделать открытым для заимствований. Эта задача предопределила решающую роль революционных методов преобразований, способных преодолеть социокультурную инерцию. На следующем этапе главной стала интеграция заимствований и принесенных ими социальных изменений в социокультурную среду. Наступил этап взаимопроникновения и синтеза. По мере его осуществления все острее чувствовалась потребность закрепить и эффективно использовать эти достижения. Главной задачей стало достижение стабильности, которое потребовало усиления внимания к традиционной культуре. В процессе стабилизации началась стихийная, а затем все более сознательная и направляемая государством реконструкция традиционных структур, прежде всего, социально-политических.

2. Целью модернизации является достижение универсальных, социально-экономических показателей, обеспечивающих независимость общества от давления извне и гарантирующих самосохранение культуры. Однако процесс модернизации не ограничивается, как долгое время было принято считать, социально-экономическими преобразованиями и следующими из них изменениями в социально-политической сфере. Экономический детерминизм, свойственный европейской цивилизации и зафиксированный в европейских социологических концепциях, прежде всего марксистских, не действует в Китае в полном объеме. Экономические преобразования являются необходимым этапом в приведении уровня развития в соответствие с мировым и ликвидации, таким образом, угрозы поглощения внешней средой. На следующем этапе главной задачей становится обретение нового ка-

чественного состояния – новой идентичности, неразрывно связанной с социокультурными традициями и способной гарантировать удержание этого статуса. При этом формирование социально-политических механизмов находится в непосредственной зависимости от социокультурных факторов, которые обладают исключительной способностью придавать стабильный характер общественному развитию в период крупномасштабных перемен. Модель успешной модернизации включает, таким образом, традиции политической культуры, применение и использование которой для текущих политических преобразований придает новой системе завершенность и превращается из фактора инерции в фактор стабильности.

3. Социализм применительно к Китаю может быть представлен не как общественный строй, лишенный вызревших в Европе недостатков и классовых противоречий. “Социализм с китайской спецификой” представляет собой мобилизационную модель социально-исторического развития, избранную китайской цивилизацией для овладения западными методами в целях преодоления разрыва в уровне развития. Использование опыта европейского развития ограничено не только социально-экономическими условиями, но и в не меньшей степени социокультурными традициями.

4. Ведущую роль в успешном осуществлении модернизации играет общественная мысль, способствующая формированию политических движений и партий, готовых провести социально-экономические преобразования, а затем осуществляющая синтез с социокультурными традициями, придавая обществу стабильные формы воспроизводства. Выбор Китаем марксистской теории и идеологии, а затем и социалистического пути развития был продиктован не зрелостью классовых противоречий и необходимостью вести поиск путей достижения социальной справедливости, а давлением западного мира и необходимостью заимствовать адекватные для его отражения средства. Существенную роль в восприятии марксистской идеологии и практики сыграли социокультурные традиции Китая, близкие по своим параметрам европейским социальным утопиям.

5. Политическая практика марксизма была воспринята в Китае, поскольку претерпела глубокие изменения в России и была уже там частично адаптирована для использования в восточных обществах. Дав Китаю характерные для западной цивилизации инструменты преобразо-

ваний, большевизм сыграл решающую роль в переходе Китая от традиционных форм общественного устройства к современным. При этом и сам марксизм последовательно эволюционировал и как идеологическая концепция, и как общественно-политическая практика в направлении национальных традиций, сначала превратившись в большевизм в России, а затем в китаизированный марксизм в Китае.

6. Завершающим этапом формирования модернизационной модели является формирование эффективной политической системы. Важнейшими ее чертами являются механизм воспроизводства власти, т.е. обеспечение ее сменяемости, гарантирующее адекватное внимание нового руководства вызовам и угрозам эпохи, и механизм преемственности, учитывающей как необходимость, идеологической легитимизации в русле революционных традиций обретения власти КПК, так и соответствие социокультурным традициям.

Основные положения и выводы диссертации прошли апробацию на международных, всесоюзных и всероссийских конференциях, семинарах и круглых столах, в курсе лекций в МГИМО МИД РФ. По теме исследования опубликовано более 60 работ на русском и китайском языках, в т.ч. 2 авторские монографии, общим объемом более 60 а.л.:

Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., ПИМ. 2005. (22,7 а.л.)

Формирование национальной концепции социалистического строительства в Китае. (1976-1987). М., ИДВ РАН, 1991. (11 а.л.)

Восток и Запад: ключи к политическим кодам. // Международные процессы. М., 2006, том 4, № 1 (10) январь-апрель, С.4-20.

К методологии изучения китайской модернизации. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №2. С.115-127.

Синтез и синкретизм. // X и XI Всероссийские конференции "Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация". М., 2006. Ч.1. С.21-24.

Восток-Запад: смысл и принципы взаимоотношений. // X и XI Всероссийские конференции "Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация". М., 2006. Ч.1. С.24-29.

Модель развития Китая: идентичность и универсализм. // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. ИДВ РАН. М., 2005. Ч.2, С.99-102.

Идея "трех представительств" как элемент китайской модели модернизации. // Актуальные проблемы внутреннего положения в Китае. М., 2003. ИДВ РАН. Выпуск 14-15. С.61-69.

Политический механизм Китая: соотношение эффективности и легитимности власти. // Китай: Шансы и вызовы глобализации. XIV Междунар. научн. конф. "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". М., 2003. С.206-210.

Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории. // Восток-Запад-Россия. М., 2002, С.109-128.

К проблеме модернизации традиционной китайской методологии. // VIII Всероссийская конференция "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация". М., 2002. С.66-70.

"Синтез" как категория исторического развития на современном Востоке. // VII Всероссийская конференция "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация". М., 2001. С.54-59.

Политическая философия в Китае: эволюционный цикл в XX в. // VI Всероссийская конференция "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация." М., 2000. С.75-79.

Модель равноположенного развития: варианты "сберегающего" обновления. // Полис. 1999. №4. С.60-69.

Концептуальное поле китайской модернизации. // Китай на рубеже тысячелетий. ИДВ РАН. М., 1998. С.30-40.

Традиционализм политико-философского сознания как вызов линейно-прогрессистской модели истории. // IV Всероссийская конференция "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация". М., 1998. С.92-96

Инверсия развития и общественное сознание: от Петра I до Ленина. // Запад-Россия: культурная традиция и модели поведения. МОНФ. М., 1998. С.21-35.

Национальная идентичность и модернизация. // III Всероссийская конференция "Китайская философия и современная цивилизация". М., 1997. ИДВ РАН. С.130-135.

Чжунго сяньдайхуа дэ эго гуаньдянь. (Китайская модернизация - взгляд из России.) // Цзиньдай Чжунго ши яньцзю тунсюнь. Тайбэй. 1996. № 22. С.69-82.

Интеллигенция и реформы. // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI в. VI Междунар. научн. конф. "Китай, китайская цивилизация и мир". М., 1995. Ч.II. С. 208-213.

СССР – КНР: концепции и модели реформ. // Внутреннее положение в Китае. М., ИДВ РАН, 1994. С.2-20.

Вектор общественной мысли КНР в эпоху модернизации. (Некоторые подходы). // Проблемы развития внутриполитической ситуации в Китае. М., 1994. С.17-38.

Изучение реформ в СССР и странах Восточной Европы в Китае. // Китайская традиционная культура и проблема модернизации. V Междунар. науч. конф. "Китай. Китайская цивилизация и мир". М., 1994. Ч. II. С.88-92.

Социализм или китайская специфика.// Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. IV Междунар. научн. конф. "Китай, китайская цивилизация и мир". М., 1993. Ч.II. С. 99-103.

Китайское обществоведение о проблемах стабильности и демократии.// Китай и мир. История, современность, перспективы. III Междунар. научн. конф. "Китай и мир". М., 1992. Ч.II. С. 20-24.

Дискуссия о путях социалистического строительства в КНР (1976-1978).// Реформы в КНР: замыслы и реальность. ИДВ АН СССР. М., 1991. Ч. II. С.59-70.

Концепция начального этапа социализма: тенденции развития.// ИБ ИДВ АН СССР № 10. Ч.II. М.1990. С.63-71.

О модели социализма с китайской спецификой. ИНИОН АН СССР. М., 1988.

О проблемах развития марксизма на современном этапе: дискуссия в китайской печати. (Обзор). // Идеино-политические аспекты реформ в КНР. ИНИОН. М., 1988. С. 135-153.

Подписано к печати 24.11.2006 г.
Печ.л. 2,4. Тираж — 100 экз. Заказ № 32
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН.
Москва, 117997, ГСП-7, Нахимовский пр-т, 32.
www.ifes-ras.ru